

На небесах нет ярости сильней,
чем обратившаяся в ненависть любовь;
В аду нет фурии страшней, чем женщина,
которую презрели.

Уильям Конгрив
«Невеста в трауре»

ПРОЛОГ

Они скакали долгие часы, всю ночь напролет — до самого рассвета, не останавливаясь даже ради того, чтобы дать лошадям отдохнуть. Они знали, кто за ними гонится. Угроза, которую нельзя ни услышать, ни увидеть, ни почувствовать. Стоит лишь одному из них повернуться — и беда настигнет. Будет поздно бежать. Ведь чума распространяется по воздуху. Это все знают.

Джехан изо всех сил старалась не уснуть на своей лошади. От усталости подбородок девушки тянуло к груди, она дернулась, резко выпрямившись в седле. Обвела изможденным взглядом высокие величавые кипарисы вдоль дороги и солнце, восходившее над горами на востоке. Перед ней скакали десять стражников, еще десять — позади. Их теперь было совсем мало. Остальных они оставили в городах и деревнях, через которые пролегал их путь. Ее люди. Брошенные, как змеиная кожа.

Мертвые, как змеиная кожа.

Джехан не могла сейчас о них думать. Потому что иначе бы закричала. И кричала бы, и кричала, и кричала. Но ей было нельзя — не перед теми, кто выжил.

Мари была жива. И за это она была благодарна. Как раз в этот момент Мари оглянулась на нее со своей лошади. На девушке был дорожный плащ такого же полуночного цвета, как и на Джехан. Капюшон был приспущен, и длинные темные волосы свободно развевались на ветру. Она взглянула на Джехан с улыбкой — усталой, но обна-

деживающей. «Еще чуть-чуть», — произнесла она одними губами.

Несмотря ни на что, Джахан улыбнулась. Мари повторяла одно и то же изо дня в день. «Еще немного. Мы почти доехали». Но Джахан не успела сказать ей об этом — один из стражников впереди начал сваливаться со своей лошади. Он не очнулся, не выпрямился — и рухнул всем телом, ударившись о землю со звуком, который ни с чем нельзя было спутать, — звуком переламывающихся костей.

— Стойте! — закричала Джахан.

Поднялась пыль, полетела галька. Кортёж резко остановился. Не дожидаясь помощи, Джахан спешилась. Она схватила Мари за руку, и они вместе бросились к брисанскому послу, что уже опустился на колени рядом с упавшим стражником.

Посол вскинул руку, чтобы их остановить.

— Не подходите!

Обычно этот седовласый благородный мужчина вел себя довольно скромно. Свирепость его тона заставила их застыть на месте. Это, и еще паника, что скрывалась внутри. Они подчинились. Джахан, Мари, стражники, посол из Оливераса. Пожилая няня и придворная художница сжимали руки от ужаса.

Упавший стражник лежал на спине без сознания. По тому, как располагалась на земле одна из его рук — под жутким, неестественным углом, — Джахан поняла, что она сломана. Как и то, что переломленные кости были меньшей из проблем. По лицу стражника, покрывшемуся знакомыми красными пятнами, градом катился пот. Ее переполняли жалость и горе — но удивления не было.

— Чума? — тихо спросила Джахан. Мари еще крепче сжала ее руку.

— У него лихорадка. — Посол занялся туникой стражника. Чтобы не стягивать ее через голову и сломанную руку, он снял с пояса кинжал и разрезал ткань.

Мари продолжила:

— Если лихорадка, то это не значит... — она умолкла, оцепенев от ужаса: посол откинул тунику стражника, обнажив подмышку, где из-под черных волос выдавался фурункул размером с яйцо. Из него доносился странный булькающий звук. Фурункул подрагивал и пульсировал, словно кровь, гной и яд в нем были живыми и жаждали прорваться наружу.

Ощувив приступ тошноты, Джахан отступила. Все шагнули назад. Дрожь страха пробежала у нее по спине, распространившись на руки и ноги. Вдали поднимались клубы дыма. Очередная деревня сжигала своих мертвецов. Джахан почти чувствовала горечь пепла: этот привкус стоял у нее в горле.

Посол по-прежнему сидел, согнувшись, рядом со стражником. Он на короткое мгновение закрыл глаза. Открыв их, он поднял взгляд на Джахан. Его глаза были красными от изнурения, синяки под ними с каждым днем становились всё темнее.

— Принцесса Джахан, так продолжаться не может. Вы должны нас покинуть.

Джахан и Мари обменялись ошеломленными взглядами. Джахан спросила:

— Что вы имеете в виду? Покинуть кого? Уехать куда?

Со всех сторон зазвучало встревоженное бормотание.

— Мы вас задерживаем. — Посол встал, хрустнув коленями. — Каждый из нас — угроза. Уезжайте вместе с лордом Вентилласом. Заберите с собой Мари, заберите женщин — и найдите короля Райана.

— Отец, нет! — воскликнула Мари. Взгляд посла заставил ее умолкнуть.

Джахан не собиралась ехать в столицу Оливераса без него.

— И оставить вас здесь? Конечно же, я не поеду...

— Принцесса Джахан, — в голосе посла зазвучали стальные ноты. — Сколько лет мы уже воюем с Оливерасом?

Урок истории? Сейчас?

— Какое это имеет значение?

— Сколько? Ответьте мне.

Джахан не могла вспомнить точное количество лет. Да и кто бы смог? Все смотрели, ждали, и жар от стыда под-

нимался по шее девушки. Мари сжала ее руку. Едва слышно — только лишь для ушей Джахан — Мари прошептала:

— Пятьдесят два.

Джахан сжала ее руку в ответ. На Мари всегда можно было положиться.

— Пятьдесят два, — повторила она громко.

— Столько, сколько я живу. — Взгляд посла дал ей и Мари понять, что им не удалось его обмануть. — Я не знал жизни без войны. Бесчисленные смерти. Ваши братья. Мои сыновья. Эта война закончится в тот день, когда вы выйдете замуж за короля. Вы *обязаны* пережить это путешествие, и ваши шансы возрастут, если вы будете двигаться быстрее. Если получится избежать все угрозы.

Своеобразный дорожный карантин. Его слова не были лишены смысла.

— Но почему вы не поедете с нами? Вы глава этой делегации. Отец послал *вас*.

Стоявшая рядом с ней Мари вдруг сделала резкий вдох. Она уже знала ответ на вопрос Джахан. Увидела его у отца на лице.

— Я не могу, — посол отогнул воротник, чтобы показать фурункул под ухом. Он был похож на перезревшую ягоду винного цвета, готовую разорваться.

Джахан так сильно прикусила губу, что почувствовала вкус крови. Рука Мари выскользнула из ее ладони, но, когда подруга качнулась вперед, Джахан схватила ее под локоть и оттянула назад.

Посол не смотрел на дочь. Вместо этого он не сводил глаз с Джахан, чтобы увидеть, что она сделает. Из деревни доносился звон церковных колоколов. Они все звонили и звонили. Предостережение для всех тех, кто слышит, — чтобы держались подальше. Там они не найдут приюта. Борясь с нарастающей паникой, Джахан думала о том, что значила болезнь посла. Для них всех. Она *ненавидела* Оливерас — королевство, где ей предстояло стать королевой. Оно не приносило тем, кого Джахан любила, ничего, кроме боли

и смерти. Ей хотелось уехать домой, в Брису. Но она обещала своему отцу. Дала свое слово. Джахан тихо спросила:

— Что вы собираетесь делать?

На лице посла промелькнуло одобрение. Он окинул взглядом лес у дороги.

— Мы останемся здесь, разобьем лагерь, — опустив взгляд на обреченного стражника, он добавил: — Такими нас никто не примет. Мы последуем за вами, если сможем.

— Когда сможете, — поправила Джахан.

— Когда, — согласился посол. Она знала, что он лишь пытается ее успокоить. Он отвел от нее взгляд. — Милорд Вентиллас.

Рассудительный оливеранский посланник был еще довольно молод, ему не было и тридцати. Он сделал шаг вперед.

— Я позабочусь об их безопасности, посол. Даю вам свое слово.

— Бриса перед вами в долгу. — Посол поклонился. — Да благословит бог вашу честь на долгие годы.

— И вашу. — Лорд Вентиллас поклонился ему в ответ, низко и церемонно.

Через несколько минут сильно сокративший свою численность кортеж был готов к отъезду. Мари подъехала на своей кобыле к послу настолько близко, насколько ей хватило смелости.

— Отец.

Посол стоял рядом с умирающим стражником. Джахан услышала, как он тихо произнес:

— Мари, сердце твоего отца всегда с тобой. Будь храброй, моя девочка, ради меня.

Джахан не могла больше на это смотреть. Она прищипривала лошадь и поскакала по древней дороге, вдоль которой росли кипарисы. Слезы застилали ей глаза. Она не оглянулась, чтобы посмотреть на тех, кого оставила позади. Не оглянулась посмотреть, последовала ли за ней подруга. Всю их жизнь, куда бы ни направилась Джахан, Мари всегда следовала за ней.

1

Год спустя

При встрече с мертвецами лучше притворяться, что ты их не видишь. Это Кас познал на своем горьком опыте, вскоре после того, как разразилась чума. Трупам теперь было устлано все вокруг. Когда Кас пересек мост, а призрак все продолжал следовать за ним по пятам, стало очевидно: нужно притворяться старательнее. Этот дух начинал что-то подозревать.

Кас был с ним знаком. Его звали Изаро. При жизни он охранял мост, что находился у границ земель, унаследованных Касом. Седовласый заставщик с черной бородой, ниспадавшей ему на грудь. Почти такой же плотный, как живое существо. Значит, Изаро тоже умер. Кто же остался?

— Мальчик? — Вопрос, заданный Изаро, прозвучал резко и грубо. Призрак застал Каса врасплох, появившись из-за дерева у подножия моста. Кас не успел скрыть свои эмоции, и Изаро что-то увидел — осознание, узнавание, — это пробудило в нем любопытство.

Порывистый осенний ветер пронизывал своим утренним холодом. Кас не замедлил шага. Завернулся в плащ и опустил взгляд на реку с ее бурным уходящим на запад потоком. Дыхание оставалось спокойным, выражение лица — непроницаемым. Если его сердце и билось чаще обычного, об этом не знал никто, кроме него самого.

Еще одной проблемой была лошадь. Она следовала за Касом на поводу. Прекрасная белая кобыла с черной звез-

дочкой под правым глазом — смиренная до появления Изаро. Ее шаг сбился. Она потянула поводья и взмахнула головой, явно разволновавшись. Увидела ли она Изаро? Или только почувствовала?

Кас ласково произнес:

— Что такое, девочка? Устала? Мы почти дома.

— Ты меня видишь, мальчик?

Кас зевнул. Они почти дошли до середины моста. Изаро остановился, в то время как Кас с лошастью продолжали идти. *Хорошо*. Заставщика удалось обмануть. Вдруг Кас услышал за спиной бормотание:

— Ба, тупой как пробка. Прямо как его мамаша.

Кас застыл на месте. Лишь на мгновение. Но этого оказалось достаточно. Изаро тут же оказался перед Касом. Он победоносно вскинул руки.

— Ты меня *видишь!* Я так и знал!

Кас рявкнул:

— Убирайся с моей дороги.

Он шагнул вправо. Заставщик преградил ему путь. Двинулся влево. Снова. Кас не хотел проходить сквозь него, хотя это было возможно. Однажды он уже это делал и никогда не забудет то отвратительное ощущение — словно черви обволокли его внутренности. Он тогда упал на колени, и его стошнило в грязь.

Лишенный возможности идти дальше, Кас выпрямился, расправил плечи и с негодованием уставился на заставщика. Касу было восемнадцать, он провел три года вдаль от дома и теперь стал достаточно высоким, чтобы взглянуть заставщику прямо в глаза. Это ошарашило их обоих.

— Что тебе надо? — сурово спросил Кас.

— Что мне... *Почему* ты меня видишь?

— Не знаю. — Кас не единожды задавал себе этот вопрос. Он не знал, может ли видеть духов кто-то еще. Но спрашивать об этом, и тем более открыто в этом признаться, вряд ли было разумно. Для сумасшедших существовали специальные места, и их сложно было назвать

приятными. — Это все? Тогда хорошего дня тебе, заставщик. — Он ждал, что Изаро поймет намек и отойдет.

Но Изаро не двинулся с места. Добившись внимания Каса, он, казалось, засомневался, что ему делать дальше. Ветер крутил черные волосы Каса во все стороны. Борода Изаро же, напротив, неподвижно лежала у него на груди. Секунды шли. Наконец Кас снова заговорил. Он не хотел об этом спрашивать, но ему просто необходимо было узнать:

— Ты видел моего брата? — его голос унизительно задрожал.

— Нет, — нечто похожее на жалость отразилось на лице Изаро. — Уже год как. С начала эпидемии. Здесь больше никто не ходит.

Кас особо и не рассчитывал получить ответ. Он шагнул в сторону. На этот раз Изаро позволил ему пройти, к большому облегчению лошади, но несколько мгновений спустя Кас услышал его тихий голос:

— Ты меня похоронишь?

Кас остановился. Он ответил, не поворачиваясь:

— Ты оскорбил память моей матери, а теперь ждешь, что я почту твою?

— Ба. Да я же сказал это, только чтобы тебя подначить...

Кас оглянулся через плечо.

— Ну, это сработало.

— Лорд Кассиапеус... — Кас поморщился, услышав имя, данное ему при рождении, но Изаро этого не заметил. Его взгляд был прикован к противоположному концу моста, сбоку от которого стоял каменный коттедж. В течение нескольких столетий там работали и спали заставщики. — Никто не пришел меня сменить. Только звери пришли.

Его слова пробудили в голове Каса череду страшных образов. Он неохотно взглянул на коттедж. Соломенная крыша частично обрушилась. Этого бы ни за что не произошло, будь Изаро жив. Дверь была распахнута, верх-

ние петли слетели, и она висела криво, держась лишь на нижних.

«Только звери пришли».

— Пожалуйста, — добавил Изаро.

Кас посмотрел на свои руки. Все в шрамах и мозолях. Руки, привыкшие хоронить мертвых. Он надеялся, что с этим уже покончено.

— У тебя есть лопата?

Облегчение на лице Изаро вызвало в нем чувство стыда. Кас отвернулся и притворился, что ничего не заметил.

* * *

Изаро умер много месяцев назад. Отвратительного запаха уже почти не было, как и плоти с внутренностями: их съели лесные животные.

Застыв в дверном проеме, Кас оглядел комнату. На столе лежали счета и журнал учета, покрытые пылью. Часть журнала была изжевана. Пол, ковер и подоконник покрыты пометом. Крысиным и птичьим, судя по виду. В углу стояли кровать и стул. Изаро обошел Каса и опустился на стул. Они оба устали на тело на постели. Кас видел и похуже. А вот Изаро, как он догадывался, не видел.

— Лопата? — тихо повторил Кас.

— На заднем дворе.

— Где? — Кас махнул в сторону кровати. — Ты предпочитаешь? В деревне?

— Слишком далеко, — ответил Изаро, не в силах отвести взгляд от своих останков. — Без разницы где. Просто... — Его голос надломился. — Не здесь.

Быстрыми умелыми движениями Кас расправил простыни и обернул ими тело. Потревоженные его действиями, из-под тела заставщика во все стороны бросились блестящие желтые жучки. Насекомые устремились к кучке у ботинка Каса. Издаваемый ими звук — «клик, клик, клик» — становился все громче, жуки сбились в единый по-